

ВОКРУГ ЧЕРНОБЫЛЯ ВСЕГДА БЫЛО МНОГО ПОЛИТИКИ

Министр РФ по атомной энергии Александр Румянцев считает перспективу обрушения саркофага вполне реальной

Согласно отчету Научного комитета по действию атомной радиации ООН, в результате аварии на 4-м блоке Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года наибольшие дозы облучения получили примерно 600 человек из числа персонала, находившегося в тот день на промышленной площадке ЧАЭС. Из них 134 человека подверглись особо значительному внешнему облучению. Удостоверения, подтверждающие статус ликвидаторов, получили около 600 тыс. человек. Бывали в истории и более серьезные техногенные аварии, но почему-то именно Чернобыльская катастрофа стала своеобразной точкой отсчета в новейшей истории человечества. В преддверии очередной, 17-й годовщины взрыва на Чернобыльской АЭС, "НГ" обратилась к министру России по атомной энергии академику Александру Румянцеву с просьбой прокомментировать сегодняшнее состояние дел на объекте "Укрытие" (так называемый саркофаг), сооруженном над разрушенным 4-м блоком ЧАЭС.

— Александр Юрьевич, общепризнано, что строительство саркофага над 4-м блоком ЧАЭС было уникальным инженерно-техническим проектом, а объект "Укрытие" — беспрецедентное сооружение. Но его строили в расчете на пять лет. Прошло уже без малого 17 лет, а саркофаг все стоит. Как вы оцениваете его сегодняшнее состояние?

— Когда говорят о Чернобыле, у меня всегда портится настроение. Потому что это действительно была самая мощная техногенная авария. Она напугала миллионы людей. И этот испуг — основное медицинское последствие аварий. Этот испуг — и ученые, медики это знают — приводит к таким же заболеваниям, как и те, которые можно было бы получить при облучении большими дозами радиации.

— А сами украинцы — собственными силами — проводят исследование?

— Все упирается в финансирование. Сейчас его нет. — Судя по вашему тону, у вас достаточно пессимистическое отношение к будущему саркофага? — Да. Надо бы строить над существующим саркофагом новое укрытие. Примеры реализации таких технологий имеются. Те, кто был в Париже, знают гранд-арку в виде буквы "П". По этой технологии можно так же накрыть и саркофаг и соорудить над ним новый, литой бетонный купол — по принципу матрешки. Современные строительные конструкции из тяжелого бетона и технологии позволяют реализовать этот план. И тогда уже не будет страшен никакой обвал крыши ныне существующего саркофага.

— Почему была прекращена миссия этой экспедиции?

— Это вопрос не ко мне. Таково было решение руководства Украины.

— А сами украинцы — собственными силами — проводят исследование?

— Все упирается в финансирование. Сейчас его нет.

— Судя по вашему тону, у вас достаточно пессимистическое отношение к будущему саркофага?

— Да. Надо бы строить над существующим саркофагом новое укрытие. Примеры реализации таких технологий имеются. Те, кто был в Париже, знают гранд-арку в виде буквы "П". По этой технологии можно так же накрыть и саркофаг и соорудить над ним новый, литой бетонный купол — по принципу матрешки. Современные строительные конструкции из тяжелого бетона и технологии позволяют реализовать этот план. И тогда уже не будет страшен никакой обвал крыши ныне существующего саркофага.

— Если бы был реальный контракт — Минатом России взялся бы за сооружение саркофага-2?

— У Минатома РФ нет таких строительных мощностей. Это дело строителей. Мы могли бы все просчитать и с прочностной точки зрения, и с точки зрения обеспечения радиационной безопасности (на случай обрушения сегодняшнего саркофага), а строить должны специализированные строительные организации. Кстати, на ЧАЭС приезжал проектировщик, строивший гранд-арку в Париже. — его возили туда наши физики. Он сказал, что нет проблем: были бы деньги — сделаем.

— Судя по вашим словам, все все понимают — и в Москве, и в Киеве — и тем не менее с олимпийским спокойствием ждут, когда обрушится крыша саркофага?

— Если бы был реальный контракт — Минатом России взялся бы за сооружение саркофага-2?

— У Минатома РФ нет таких строительных мощностей. Это дело строителей. Мы могли бы все просчитать и с прочностной точки зрения, и с точки зрения обеспечения радиационной безопасности (на случай обрушения сегодняшнего саркофага), а строить должны специализированные строительные организации. Кстати, на ЧАЭС приезжал проектировщик, строивший гранд-арку в Париже. — его возили туда наши физики. Он сказал, что нет проблем: были бы деньги — сделаем.

— Судя по вашим словам, все все понимают — и в Москве, и в Киеве — и тем не менее с олимпийским спокойствием ждут, когда обрушится крыша саркофага?

— Обрушение крыши нынешнего саркофага — это реальная опасность, от этого отмахиваться нельзя. Все понимают, что в случае обрушения поднимется радиоактивная пыль. Будет локальное загрязнение, но глобальной катастрофы, конечно, уже не будет.

— До Швеции, как в 1986 году, дойдет? Или до Белоруссии?

— Нет, я не думаю. Но опять будет тот же самый политический резонанс, опять миллионы людей будут ввергнуты в состояние психологического стресса. Вот для того, чтобы предотвратить эти последствия, надо перекрыть саркофаг, чтобы на обозримое будущее эту проблему закрыть.

Андрей ВАГАНОВ,
"Независимая газета"

